

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 929+94(470)

АБДУРАХМАН АЛ-ГАЗИГУМУКИ О ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАМИЛЯ НА КАВКАЗЕ: ПЕРЕХОД НА ГУНИБ

(К 180-летию со дня рождения Абдурахмана Газикумухского)

Н. А. Тагирова

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена событиям последнего периода народно-освободительного движения 20–50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе и судьбе его руководителя имама Шамиля. Она основана на материалах двух крупных исторических сочинений, принадлежащих перу известного дагестанского ученого и историографа Шамиля – Абдурахмана Газикумухского (1837–1901).

The article is devoted to the last period of the national movement for liberation among the peoples of the Northeastern Caucasus in the XIX century and its most prominent leader Imam Shamil. It is based on the materials of the two great historical works, written by the famous Daghestani scholar and Imam Shamil's historiographer Abdurahman al-Ghazighumuqi (1837–1901).

Ключевые слова: Дагестан; XIX век; имам Шамиль; арабоязычная литература; Абдурахман ал-Газигумуки:

Keywords: Daghestan; XIX century; Imam Shamil; Arabic literature; Abdurahman al-Ghazighumuqi.

Среди произведений дагестанской арабоязычной литературы важное место занимают памятники, связанные с народно-освободительным движением 20–50-х гг. XIX в. под руководством имама Шамиля. В статье «Арабская литература на Северном Кавказе» акад. И.Ю. Крачковский писал: «Эпоха Шамиля выдвигает, по-видимому, впервые в арабской литературе Кавказа ряд крупных исторических хроник местного происхождения. Из них только одна служила до сих пор предметом специального внимания исследователей» [1, с. 617]. Речь шла о сочинении Мухаммедтахира ал-Карахи (1809–1880) «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», перевод которого был выполнен А.М. Барабановым и опубликован в апреле 1941 г. [2]. Впоследствии И.Ю. Крачковский издал вторую часть труда своего ученика, добровольцем ушедшего на фронт и погибшего в самом начале войны. Это был арабский текст хроники Мухаммедтахира ал-Карахи, подготовленный А.М. Барабановым к изданию, которое было задержано войной и поэтому вышло только в 1946 г. под редакцией И.Ю. Крачковского [3].

Позднее предметом изучения становятся и другие важные арабоязычные источники, посвященные народно-освободительной борьбе на Северном Кавказе и судьбе ее руководителя имама Шамиля: историческое сочинение Абдурахмана Газикумухского «Хуласат ат-тафсил» (академическое издание этого труда с переводом его на русский язык, подробными комментариями и указателями было опубликовано автором данной статьи в Москве в издательской фирме «Восточная литература» РАН в 2002 г.) [4] и крупный историко-этнографический труд Абдурахмана Газикумухского «Книга воспоминаний» («Музаккарат Абдурахман») [5]. Указанным сочине-

---

ниям Абдурахмана Газикумухского были посвящены также написанные в разное время отдельные статьи [6–12].

Важность хроник подобного рода и их общенаучное значение впервые в отечественном востоковедении определил акад. И.Ю. Крачковский, посвятивший двум из вышеупомянутых трудов обстоятельные статьи [7, 13] и указавший на необходимость их дальнейшего изучения и издания как ценных исторических источников и памятников арабоязычной литературной традиции на Северном Кавказе. Он писал: «Их основное преимущество в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены» [7, с. 560]. Подчеркивая особую ценность дагестанской литературы на арабском языке в целом, И.Ю. Крачковский отмечал: «Для историка местной культуры она дает неоценимый материал, иногда переплетающийся с источниками на других языках, например, на турецком или русском, но еще чаще – самостоятельный, единственный в своем роде, не имеющий никаких параллелей» [1, с. 615].

Данная статья посвящена некоторым событиям последнего периода деятельности Шамиля на Кавказе и основана на материалах двух главных исторических трудов, принадлежащих перу известного дагестанского ученого второй половины XIX в., историографа и родственника Шамиля Абдурахмана Газикумухского (1837–1901) – «Хуласат ат-тафсил» и «Китаб Тазкира» («Книга воспоминаний»).

Одно из наиболее значительных произведений, посвященных этому периоду, – «Хуласат ат-тафсил ‘ан ахвал ал-имам Шамуил» («Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля») [4]. Его автор Абдурахман Газикумухский, сын шейха Джамалуддина Газикумухского (ум. в 1866 г.), известного религиозного и общественного деятеля Дагестана XIX в., сподвижник и родственник Шамиля, женатый на его старшей дочери Нафисат. Абдурахман принимал активное участие в народно-освободительном движении 20–50-х гг. на Северном Кавказе, был очевидцем многих событий, связанных с именем Шамиля. Он находился рядом с имамом и в трагические дни августа 1859 г., был свидетелем героической обороны Гуниба и пленения Шамиля.

Абдурахман также был в числе спутников Шамиля, сопровождавших его после пленения в почетную ссылку в Россию, где имам с семьей прожил около десяти лет, девять из которых он провел в Калуге. Здесь Абдурахман и составил свое произведение, посвященное жизнеописанию Шамиля, которое стало ценным памятником дагестанской историографии XIX в. (подробно об авторе см.: [14]).

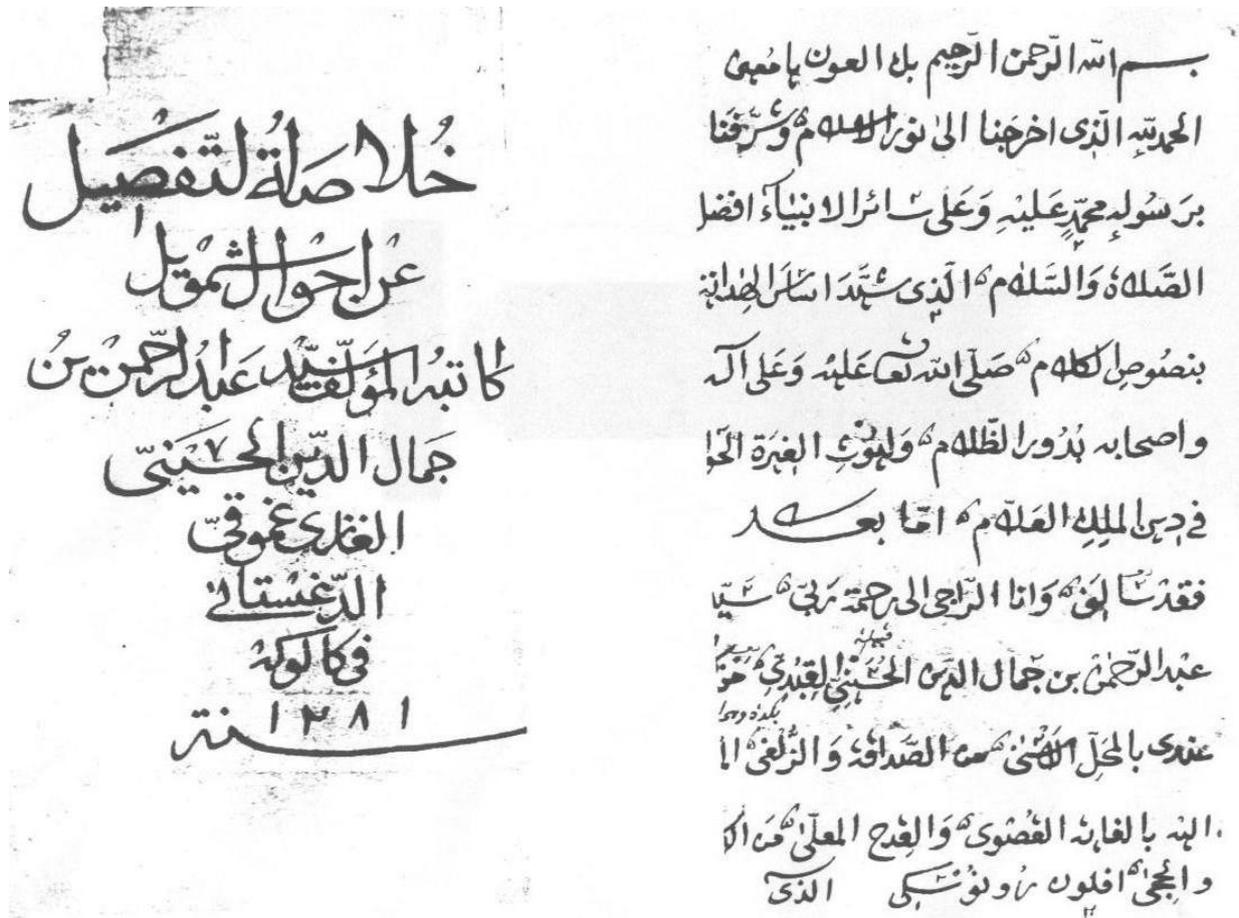
Сочинение «Хуласат ат-тафсил» было написано на арабском языке. Автор начал составлять свои воспоминания по частям около 1279/1862 г. и завершил их в 1281/1864-5 г. На момент создания произведения Абдурахману было приблизительно

Абдурахман Газикумухский

25–27 лет. Долгое время, почти 20 лет, рукопись находилась в руках ее автора, который продолжал работать над ней, дополняя и комментируя.

Идея создания произведения принадлежит приставу при пленном Шамиле в Калуге А. Руновскому, о чем автор сообщает в самом начале своего труда. История создания произведения и его основная задача прослеживаются здесь вполне определенно – сочинение, по мысли Руновского, должно было рассказать о «благодетельных» императора по отношению к пленному Шамилю.

Сочинение Абдурахмана Газикумукского «Хуласат ат-тафсыл» (автограф).
Титульный лист и начало рукописи (л. 1а–1б)

Автограф сочинения хранится в отделе рукописей Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (ныне – Институт рукописей РАН; шифр А.710). Заслуга открытия этого списка для науки принадлежит И.Ю. Крачковскому, который посвятил хронике обстоятельную статью [6; 7] и дал в ней текстологический и литературный анализ произведения. И.Ю. Крачковский отмечает также, что хотя рукопись поступила в Азиатский музей Института востоковедения Академии наук в 1908 г., «единственное известное мне упоминание о ней имеется в работе В.В. Бартольда в 1926 г.» (со ссылкой: W. Barthold. Shamil. EI, IV. С. 330) [15, с. 572].

Подчеркивая особую важность записок Абдурахмана как ценного памятника дагестанской арабоязычной литературы, И.Ю. Крачковский писал: «Записки ‘Абд ар-Рахмана еще ждут своего исследователя: до сих пор они известны только в

хорошей рукописи Института востоковедения, может быть автографе, и в мало удовлетворительных переводах отдельных отрывков» [1, с. 618]. На сегодняшний день нам известно о существовании четырех списков «Хуласат ат-тафсил», два из которых хранятся в государственных рукописных хранилищах (второй список находится в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, № 165), два – в частных коллекциях.

Сочинение условно разделено на две неравнозначные по содержанию части. Первая (л. 16–47б включительно), после введения (л. 16) и объяснения причин написания этой книги (л. 16–3б), посвящена последнему периоду военных событий на Кавказе, содержит краткое, но информативное описание маршрута Шамиля при переходе его на Гуниб, рисует исключительно неблагоприятные условия, в которых оказался имам Шамиль и его самые преданные сподвижники. Главное внимание уделено героической обороне Гуниба, штурму крепости, предпринятому царскими войсками, переговорам с царским командованием и пленению Шамиля. Вторая, основная часть (л. 48а–122б) посвящена началу нового периода в жизни Шамиля, содержит подробное описание пребывания пленного Шамиля, его семьи и ближайшего окружения в России, их жизни в Калуге (л. 54а–113б).

Повествование начинается с момента, когда в связи с массированным наступлением царских войск, после нескольких неудачных попыток отбить их атаки, Шамиль был вынужден покинуть свою резиденцию в Новом Дарго (Дарго-Ведено) в Чечне. В поисках более безопасного и пригодного для обороны места Шамиль направляется в глубь Дагестана. События, предшествующие укреплению Шамиля в Гунибе, изложены отрывочно, прерываются многочисленными отступлениями автора, и их ход можно проследить лишь по отдельным, кратким высказываниям. Весь маршрут продвижения Шамиля в горы Дагестана Абдурахман обозначил наиболее важными эпизодами, в которых упоминаются населенные пункты или местности, через которые отряд Шамиля продвигается на Гуниб. В это описание автор включил следующие события и факты:

1. Решение Шамиля оставить свою резиденцию в Чечне, с объяснением причин, по которым это решение было принято; рассказ о переселении из Нового Дарго в горы Дагестана: «Начнем сначала с сообщения о переходе имама Шамиля из Нового Дарго в горную область, а это (т.е. Новое Дарго) селение, которое он построил на территории Ведено в Чечне» (л. 3б);

2. Сообщение о прибытии отряда Шамиля на гору Килатль: «[Когда Шамиль увидел, что у народа отсутствует решимость оказывать сопротивление русским], он поднялся на гору Килатль (Килал), а [Килатль] – это селение, основанное у подножия этой горы» (л. 5а). Здесь же рассказ о неоднократных попытках сподвижников Шамиля укрепить гору Килатль, вместе с упоминанием о переселенцах (мухаджирах) из Чиркея и русских солдатах, сопровождавших Шамиля в этом отступлении: «Она уже укреплялась, огораживалась стеной, т.е. обносились вокруг укреплениями из больших камней несколько лет назад с этой целью, однако войска Шамиля укрепили ее вторично в последние дни... И сопровождали его тогда мухаджиры из Чиркея ... и солдаты, которые находились при нем... в течение уже нескольких лет, перешедшие со стороны русских, – пленные и перебежчики, и вместе с ними – пушки и военное снаряжение, которое находилось в Дарго»; автор поясняет, что тогда «часть из них (мухаджиров) жила в селении Ичичали вместе с семейством имама, а другая – ... в

селениях вокруг Ичичали, – [готовые] подняться на гору Килатль (Килал) в случае необходимости» (л. 5а–5б);

3. Сообщение о том, что: «... тогда были сожжены по приказу имама селения Гумбета (Кунбит) и Анди (Андал), так что не осталось в них и деревянного кола, и они (жители этих селений) не порицали имама за это ..» (л. 5б–6а);

4. Сообщение об уходе с горы Килатль по распоряжению Шамиля после выяснения положения дел и общей расстановки сил на этой горе: «И сейчас имам достоверно знал, что закрыты пути и дороги помощи со стороны всех, кто обосновался на краю крутого, грозящего обрушиться склона....И он поспешил уйти (букв. «и он поспешил оседлать верховое животное бегства») с этой укрепленной горы [Килатль] в сторону горы Гуниб...» (л. 8а);

5. О продвижении по направлению к Гунибу и сообщении о расположении в это время царских войск: «Они стали двигаться ночью оттуда к Гунибу со стороны Караты. Тогда главнокомандующий князь Барятинский со своим окружением остановился на территории Тандо (Танду), а это селение, возвышающееся над Ачабота – местностью, где теперь в селении Ботлих располагается русское укрепление. Между князем Барятинским и местом, где находился имам, не было тогда и часа пути при умеренной ходьбе... А с другой стороны находился генерал барон Врангель со своим многочисленным войском. Они расположились в местности близ селения Аргвани (Аргуна), напротив моста Сагри...» (л. 8б–9а);

و اصب ما والمالح علبه فبورون كلبها حتى بنعص عنها
فبها بالعلى الجيد فنبعلت فلما بذلك فبغى صيحه العد
لوجها خوفه كرمه حتى اذا وصلناها وقت الضو
الكبرى صلنا الظهر هناك وخرجنا وسرنا في طريق
مخال وبوميدزها سوادا على سوادا جبل طلع
من بعد كسنا من كان عندنا عمنهم فاجزا بكونهم
سوادا الميزية خرجوا مع ابرهم خا الجبل بعض
قطع طريقنا الى غيب وكانوا على مسافة رخي المدفع
عنا نازبه فلم نلقت اليهم وسرا مع الهل واله ول
وشبه له نعال في طريقنا ومثل اصحابنا في ذلك يقول
الك اعدى الوعيد فما وعبدك ضايرى اطيني اخي

ع. 10 а

الذباب يصب وما نله في اللطاف والقرابة ما كبت
بعض السله طين الى من بلغه منه نهيد وخوف
يا الذي يغزاع السيف الله لا فام فام جنبى صرع
فام تمام الى البازي بهدوه وكلمت صحت باسود البراضبع
اضحى سدم اله فغى اصبعه بكعبه فادله في منه اصبعه
فما جزاله تباي بكزه الغم وكه من كطب بكعبه
فليل من اليرم قوله بغز العباب كنبع الغراب
وله بغز سواد الغفار بسوس الحمار وما احسن
ما قيل تعبنا انا قبلنا عبدنا فعدت لنا ان الكرام قبلنا
وما ضرا انا قبلنا وجارنا عجزنا وجارنا له كبرين ذليل
فبعدها

ع. 10 б

Описание перехода Шамиля на Гуниб и прибытие его в сел. Карата.
Стихи, посвященные описываемым событиям (л. 10а–10б)

---

6. Сообщение о судьбе оружия, оставшегося на горе Килатль: «И были отправлены солдаты, которые находились на его попечении, вслед за асхабами с драгоценностями казны, исключая орудия... Эти орудия остались на горе, и имам приказал наибу Кади Ичичалинскому раздробить их, взорвав порохом, чтобы они не достались врагу...» (л. 9а–9б);

7. Упоминание о прибытии отряда Шамиля к селению Конхидатль: «Той ночью мы спали у моста Конхидатля, а это селение, в котором есть соляной источник, и у них делают соль из речного песка...» (л. 9б);

8. О прибытии в сел. Карата: «На следующий день утром мы отправились в сторону селения Карата. И когда мы прибыли туда до полудня, то совершили там полуденный намаз и двинулись по дороге в Ахалчи ('Аххал)» (л. 10а);

9. О встрече на этом пути с отрядом горской милиции во главе с Ибрагим-ханом Мехтулинским, намеревавшимся преградить Шамилю дорогу на Гуниб: «Тогда мы увидели толпу на краю горы... Они расположились на расстоянии пушечного выстрела от нас. Мы не обращали на них внимания и продолжали наш путь вместе с семьями, детьми и имуществом» (л. 10а). Текст сопровождается поэтическими отступлениями автора, его философскими размышлениями о бессмысленности и тщетности злых помыслов перед лицом немногочисленных, но достойных и благородных спутников имама;

10. О ночлеге близ селения Ассаб: «Мы двигались весь день до тех пор, пока не заночевали в местечке близ селения Ассаб ('Асах, 'Аса – عسه)...» (л. 11а–11б) и опасностях, подстерегавших отряд Шамиля в пути: «Однако мы были тогда не уверены в отношении Аварии... и были начеку до рассвета, потому, что эта местность была небезопасной в смысле предательства и измены» (л. 11б);

11. О передвижении из области Гидатль на горный участок рядом с Телетлем, «родиной муршида Кебедмухаммеда, который расположился на краю крутого, грозящего обрушиться берега, и заночевали там» (л. 12а);

12. Известие о том, что «наиб Исмаил, сын Хаджи Чохского уже заключил мир с русскими, и они вошли в Чохскую крепость... А этот наиб был одним из самых любимых наибов Шамиля и самых верных ему» (л. 12а–13а). Далее автор приводит свои размышления, различные поэтические выдержки, касыды по случаю непредвиденных обстоятельств, ставших причиной все более сложного положения Шамиля и его ближайших соратников (л. 14а–14б);

13. О попытке Шамиля выяснить положение дел у своего сына Мухаммадшафи', который с семьей находился в Гунибе, об отправке к нему наибов. Получив от него письмо, Шамиль и его сподвижники в тот же день продолжили путь в направлении Гуниба (л. 16б);

14. О выступлении против отряда Шамиля «главарей преступников трех селений – Куяда, Ругуджа и Корода»: «Они находились на всех подступах к ним (селениям) и в ущельях, намереваясь отрезать нам дорогу в Гуниб»; небольшой экскурс в прошлое, с объяснением причин такого поворота событий (л. 17а);

15. О прибытии отряда Шамиля на Карахскую землю: «И они отправились в сторону Каракойсу, а это – местность Карахской земли, место жительства известного героя Букмухаммеда ал-Кибуди – наива имама и предводителя его отряда в области Хайдак» (л. 18а–18б);

---

16. Рассказ о наибах Шамиля: Букмухаммеде ал-Кибуди (л. 18б, 19б), Хаджимураде ал-Авари (л. 18б), Омаре Салтинском (л. 19а), Курбанил-Мухаммеде ал-Бацади (л. 19б), Даниял-Султане Елисуйском (л. 19б–20а).

В некоторых случаях свою характеристику, даваемую каждому из упомянутых наибов, Абдурахман сопровождает поэтическими выдержками, касыдами и даже целыми рассказами, содержание которых позволяет составить представление об их качествах, похвальных или отрицательных, настоящих или мнимых;

17. Сообщение об остановке в местности Бецор (Биц'ур): «В то время, как мы расположились на просторной местности за Бецор (Биц'ур), к нам прибыл Курбанилмухаммед ал-Бацади со своими карахскими товарищами... Он был одним из его лучших ученых наибов. Курбанилмухаммед попросил имама направить его в крепость Ириб ('Ириб)...» (л. 19а–20а). Автор говорит о разногласиях среди асхабов Шамиля по поводу выбора места для оказания сопротивления противнику;

18. Рассказ, посвященный преимуществам Гуниба, и касыда, воспевающая его природные достоинства (л. 21а): «Не секрет.., что Гуниб можно считать одним из самых укрепленных мест среди кавказских владений, даже на всей земле и во всех населенных областях, особенно при наличии малых сил и незащищенности убежищ и домов...» (л. 20а–20б);

19. Сообщение о встрече на пути продвижения отряда Шамиля к Гунибу с небольшой группой жителей селения Ругуджа и о судьбе имущества имама, оставленного в пути: «Но, прежде чем мы покинули землю несправедливых притеснителей, мы встретили около пяти ругуджинцев на открытой местности близ селения Ругуджа. А позади нас был груз – оружие, книги и холодное оружие, который легко несли солдаты..., впоследствии мы узнали, что в этом с их стороны были дурные замыслы... И они набросились на это имущество, когда узнали, что оно оставлено» (л. 22б–23а);

20. О прибытии на гору Гуниб: «...Мы переправлялись из местности Ругуджа под выстрелами и ударами [орудий], среди криков и плача, пока не поднялись на гору Гуниб на рассвете... Мы вошли в селение Гуниб и встретились все вместе с Мухаммедшафи', его семьей и семьей его старшего брата Газимухаммеда. [Мы прибыли] без особых потерь.., целыми и невредимыми, не считая того, что произошло с казней. А она осталась подобно мертвечине в пустыне, которую разрывают на части собаки» (л. 24а); здесь рассказ о судьбе казны: «... Казначей имама Хаджияв Оротинский находился в местности Цуриб с казнью имама, книгами и оружием после того, как притеснители воспрепятствовали ему присоединиться к имаму и его группе. И они получили доступ к этому имуществу со всех четырех сторон...» (л. 25б–27а);

Последовательно, шаг за шагом, описывает Абдурахман путь, по которому Шамиль и его сподвижники продвигаются к последнему оборонительному укреплению – Гунибу. Несмотря на схематичность и общую фрагментарность этой части повествования, автор дает четкое представление о маршруте Шамиля и его сподвижников из Нового Дарго по направлению к Гунибу, рисует яркую картину происходящего, отмечает целый ряд важных факторов, имевших решающее значение в развитии дальнейших событий на Кавказе. Одновременно он сопровождает свой рассказ различными дополнительными сведениями, приводит самое общее описание селений или их месторасположение, иногда характеризует род занятий населения, другие этногра-

---

фические детали (например, описывает процесс производства соли в Дагестане), упоминает в связи с описываемыми событиями набов Шамиля, дает им краткие характеристики, уделяя внимание каждому из них и особенно тем, к кому имам проявлял неограниченное доверие.

Продвигаясь все дальше в горы, проходя через населенные пункты и делая там краткие остановки, Шамиль и его сподвижники тщательно изучали местность, принимая во внимание наличие оборонительных сооружений, природные особенности ландшафта и возможности для оказания сопротивления военным силам противника. Описывая все обстоятельства и трудности этого нелегкого перехода из Чечни в горы Дагестана, Абдурахман неоднократно дает понять, что Шамилем и его сторонниками не было принято окончательного решения относительно выбора места для оказания решающего сопротивления наступающим царским войскам. В повествовании автора не раз прослеживается мысль о существующих разногласиях в стане Шамиля, в т.ч. среди его ближайших сподвижников, и о неудачных попытках сделать остановку в том или ином укрепленном месте или селении.

Детальное описание маршрута Шамиля из Дарго на Гуниб, изложенное Абдурахманом в «Хуласат ат-тафсил», мы приводим здесь не случайно: автор часто использует прием ретардации, когда повествование прерывается и вводится отступление от основного текста, иногда довольно значительное по объему (от нескольких строк до нескольких страниц). Это обстоятельство значительно затрудняет понимание смысла изложенного, даже при наличии перевода. Вторая причина связана с тем, что сочинение Абдурахмана, несмотря на общую фрагментарность изложения, содержит одно из самых обстоятельных и информативных описаний отступления отряда Шамиля в горы Дагестана, на Гуниб, данное очевидцем и непосредственным участником событий.

Сочинение Абдурахмана композиционно подчинено классическим канонам арабской литературной традиции, отличается сочетанием прозаических и поэтических текстов, что особенно характерно для его первой части. Абдурахман, находясь в самой гуще событий, эмоционально откликается на происходящее, что проявляется в характере и манере изложения. Обычно это происходит «в более эмоциональных или конструктивно более важных местах» [13, с. 597]. Именно в этих местах наиболее полно раскрывается личность Абдурахмана, его мировоззрение, прекрасное знание арабской и дагестанской арабоязычной литературы и собственный литературный талант. «Автор переполнен традиционным арабским материалом, он цитирует стихи, пословицы, приводит исторические рассказы... Свои собственные стихи он сочиняет по всякому поводу и без особого труда, приводя и короткие отрывки, и образцы больших пьес-касид» [7, с. 567–568].

В своем сочинении Абдурахман уделяет большое внимание многочисленным дополнениям и отступлениям от основного текста, не имеющим прямого отношения к описываемому маршруту. Он сопровождает свой рассказ частыми поэтическими вставками, стихами и поэмами, размышлениями философского и дидактического характера, историческими рассказами и преданиями, различными пословицами и поговорками, цитирует знаменитых арабских поэтов и средневековых ученых, а также известных дагестанских авторов, делает небольшие экскурсы в прошлое, пытаясь дать объяснение некоторым из происходивших событий. Все это позволяет автору не только воссоздать общую картину и хронологию событий, в т.ч. показать реальное

положение дел в стане Шамиля, но и передать атмосферу, эмоциональный фон и настроения участников этого драматичного перехода.

В первой части сочинения несколько раз дается более или менее обстоятельное описание местностей и важнейших фактов. Таково описание укреплений на горе Килатль (Килал) (л. 5а) и причин, по которым имам был вынужден покинуть это укрепление, описание Гуниба как наиболее предпочтительного пункта для организации обороны (л. 20а). В описании Килатля весьма ценно упоминание о русских солдатах, бежавших к Шамилю и служивших у него (см. выше: л. 5а, л. 9а–9б, л. 23а). Это вскользь высказанное замечание проливает свет на отношение восставших горцев к простому русскому народу. В литературе неоднократно отмечались случаи бегства русских солдат к Шамилю и хорошего отношения к ним со стороны имама.

Автор акцентирует внимание на исключительно неблагоприятных условиях, в которых находился отряд Шамиля перед отходом в Гуниб. Неустойчивость внутривосточного положения имама в 50-х годах XIX в. подчеркивается упоминанием тех, кто не подчинился Шамилю («... Когда увидел Шамиль, что у народа отсутствует решимость оказывать сопротивление русским, потому что каждая личность из различных горских народов с их многочисленными языками, независимо от того ра'ис (правитель) он или простой, знатный или незнатный, – [все они], обращаются к русским, отказываясь от того дела, которое было возложено на них...» (л. 3б–4а).

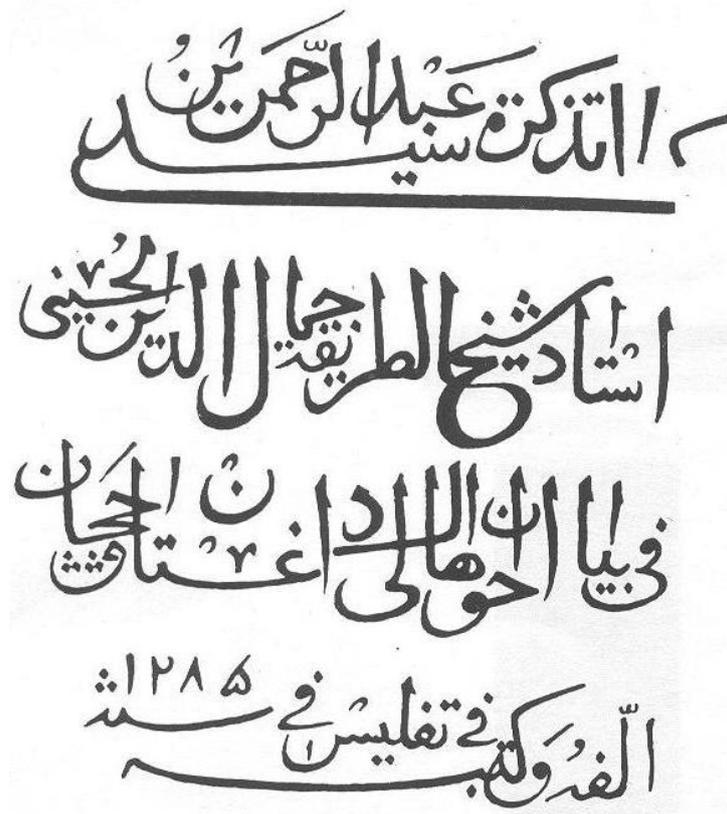
Абдурахман показывает, что и военная обстановка сложилась не в пользу горцев, когда «положение имама стало подобно камню между двумя деревьями» (л. 9а) или когда «было все вокруг подобно волнам бушующего моря» (л. 12а) [4, с. 54]; приводит слова одного из дагестанских ученых: «Как будто сама судьба разгневалась на них и преследует их наказанием» (л. 18а) [4, с. 60]; устами Шамиля говорит о предательстве наибов и ближайших соратников: «Нет добра в дружбе непостоянного человека, куда подует ветер, туда склоняется и он» (л. 14б); вместе с тем философски заключает: «Возблагодари Аллаха за трудности, благодаря им я узнал, кто мне враг, а кто мне друг» (л. 14б) [4, с. 56].

Не забывает Абдурахман и о таких немаловажных факторах, как государственная казна имама, о перипетиях, связанных с ее «передвижением» по дорогам войны, о многочисленных попытках ее разграбления; образно, с чувством иронии автор говорит об одном из наибов Шамиля и о мерах, предпринятых им для «охраны казны»: («...и он (Кебедмухаммед) сел на это имущество подобно страусу на яйцах, боясь прикосновения других рук и пыли...») (л. 25б–27а) [4, с. 66–67].

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что первая часть сочинения «Хуласат ат-тафсил» содержит краткое, но информативное описание основных событий перед прибытием Шамиля в Гуниб, рисует сложную внутривосточную ситуацию в имамате и раскол в окружении Шамиля. Автор и не старается особо конкретизировать события до отступления войск Шамиля к Гунибу, ибо главное внимание будет уделено именно Гунибу, его обороне, переговорам между Шамилем и царскими властями, пленению Шамиля и отправке его в Петербург [4, с. 20–21].

События, описанные Абдурахманом в «Хуласат ат-тафсил», нашли отражение также и в другом сочинении автора под названием «Книга воспоминаний», написанном через несколько лет после завершения им первого труда, в Тифлисе в 1868 г.

«Книга воспоминаний» («Китаб Тазкира»), или «Воспоминания Абдурахмана» («Му-заккарат Абдурахман») – наиболее значительное и самое крупное историческое сочинение Абдурахмана Газикумухского. Автограф сочинения хранится в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, в составе сборной рукописи (ф. 14, оп. 1, № 29; краткое археографическое описание рукописи см.: [10, с. 396; 5, с. 7–9]).

Сочинение Абдурахмана Газикумухского «Книга воспоминаний». Титульный лист

Если относительно первого сочинения известно, что идея его создания была подсказана автору приставом при пленном Шамиле полковником А. Руновским, то второе было написано по инициативе начальника Кавказского горского управления Д.С. Старосельского, о чем Абдурахман упоминает в самом начале своего произведения.

Сочинение Абдурахмана «Китаб Тазкира» также «делится на две взаимосвязанные, но резко отличающиеся по своему содержанию части». Основное содержание первой части посвящено характеристике личностей трех имамов – Газимухаммеда, Гамзатбека и Шамиля, распространению идей шариата и их взаимоотношениям с обычно-правовыми нормами, борьбе за ликвидацию ханской власти, имеются незначительные сведения о военных событиях, о столкновениях с царскими войсками [10, с. 329; 5, с. 9]. Вторая, доминирующая, часть – это «уникальный, не имеющий прецедентов материал, впервые в дагестанской исторической литературе фиксирующий внутреннюю, а не военно-политическую историю дагестанского общества се-

редины XIX в.» [10, с. 336], единственный в своем роде историко-этнографический очерк о дагестанском обществе того времени. Абдурахман обстоятельно описывает географическое положение, хозяйство, быт, традиции дагестанских селений, их отличительные черты, производственную деятельность их жителей, рассказывает о принципах управления в наибствах, о налоговой и земельной политике, системе образования в имамате, о многогранной деятельности Шамиля, а также его набов в административной, дипломатической, внешнеполитической сферах [10, с. 336; 5, с. 9–10].

В отличие от «Хуласат ат-тафсил», которое начинается непосредственно с момента ухода Шамиля и его сподвижников из резиденции Шамиля в Дарго, «Воспоминания» содержат детальное описание более ранних событий. В главе «Заключительная часть о положении матери селений Нового Дарго и о положении семейства имама Шамиля, о семьях остальных переселенцев, его мюридов» Абдурахман дает общее описание селения Дарго, приводит сведения о строительстве селения «по инженерным расчетам Хаджи Юсуфа мухаджира, приехавшего из Египта», описывает землю, которая была «благословенной, (обильной) плодами и зеленью для их жителей, исконных и пришлых», климат, наличие источников и питьевой воды, продуктов питания, отмечает «много корма для скота, зерно в обилии» и т.п. [5, с. 149–150].

Таким образом, с одной стороны, глава о Дарго продолжает описание дагестанских селений, начатое автором в предыдущей главе «О дагестанских селениях, климатических условиях (и прочих делах, имеющих в них)». С другой стороны, данный раздел, целиком посвященный селению Дарго и его обитателям, в то же время как бы «объединяет» в себе два различных периода деятельности Шамиля: его жизнь в столице имамата Дарго, ее условия, ее организация и другие важные характеристики жизни и быта имама и его окружения; а затем вынужденное «переселение», когда Шамиль покидает свою резиденцию в Чечне, что в итоге означало начало поражения движения. Уход из Дарго был для Шамиля, судя по всему, предчувствием неизбежного финала, завершения освободительной борьбы, потери власти, о чем Абдурахман, в связи со сложившимися обстоятельствами, делает горькое признание устами самого Шамиля: «Откуда после сегодняшнего дня возврат благоденствия, которое покинуло нас. Клянусь Аллахом, это невозможно» (л. 259а) [5, с. 151].

Этим событиям посвящен раздел «Как была взята крепость Дарго, известная под названием Ведено, когда была окружена войсками [русского] генерала», в которой автор отмечает следующие события и факты: уход Шамиля из Дарго в лес и отъезд семьи Шамиля в Дагестан, «в селение Ишичали» вместе с казной имама; рассказ о подготовке Газимухаммада, сына Шамиля, к обороне крепости Дарго, о расположении 14 набов с отрядами и 5 тысячами воинов в селении и за его пределами, об укреплении селения, о вооружении и расположении 4 пушек, имевшихся в распоряжении горцев, а также любопытный и иронический рассказ о состоянии этого вооружения и совершенной непригодности одной из пушек для боя (л. 271а, 275а) [5, с. 156–159].

В начале апреля 1859 г., когда пала столица имамата Дарго, Шамиль с незначительными силами отступил в Дагестан. Его маршрут пролегал через или мимо селений, не оказывавших ему особой поддержки или же непригодных для обороны (Дарго – Ичичали – Килатль – Кванхидатль – Карата – Ассаб – Телетль – Бецор – Ру-

---

гуджа). Последним пунктом маршрута был Гуниб (Гуниб-гора), куда поднялся Шамиль вместе с семьей и сподвижниками. С ним было всего 400 человек, включая жителей Гуниба, и 4 орудия [16, с. 416–417].

Положение Шамиля и его сторонников было чрезвычайно трудным. В книге «История Апшеронского полка 1700–1892» ее составитель Л. Богуславский писал: «Видя полную измену незадолго пред тем безусловно преданных жителей и надежных своих сподвижников, и встречая недоброжелательство со стороны народа, Шамиль ясно сознал, что наступил конец его владычеству, и что, при существующем положении дел, ему не воскресить событий прошлых годов. Тем не менее, имам решил до конца остаться верным принятой на себя роли и защищаться до последней возможности, избрав для того какой-нибудь укрепленный пункт. Выбор Шамиля пал на Гуниб-Даг, известный своею неприступностью, куда он и удалился с небольшим числом, оставшихся еще ему верными, мюридов» [17, с. 305].

В «Книге воспоминаний» Абдурахман посвятил специальный раздел переходу Шамиля на Гуниб. Автор подробно пишет о настроениях жителей многих обществ, ранее поддерживавших имама: «Теперь мы изложим, как мы перешли в сторону Гуниба, и все, что мы встретили в этом походе – трудности, грабежи и нападения дагестанцев» [5, с. 160].

Далее следует перечень событий: после прибытия на территорию Дагестана, а точнее после остановки имама, его семьи и его мюридов «в селении Ичичали, одном из селений Гумбета», Шамиль решил укрепиться на горе Килатль («Поэтому эта гора дважды была укреплена горскими войсками, вырытыми окопами и каменными стенами»); затем он «приказал андийцам и гумбетовцам подняться на гору Килатль. Никто этому распоряжению не подчинился, исключая незначительное число людей, пришедших с обеих областей»; «...последующие злополучные обстоятельства заставили покинуть эту гору», «из-за того, что на горе невозможно было оказать сопротивление»; «когда барон Врангель со своим войском переправился через реку Игали (Андийское Койсу) по мосту Сагри и направился в сторону Аварии», «ему навстречу вышло население Унцукуля, Игали и других селений с изъявлением покорности»; так же и «наиб Авара со своим войском», которого Шамиль оставил «на горе Бетль и велел ему сразиться с войсками барона, если они переправятся через мост Сагри, ...не смог сопротивляться русским и бежал», после чего Шамиль решил оставить гору Килатль, «так как он убедился, что никто не идет к нему для ведения войны» (л. 281а) [5, с. 160–162].

Абдурахман сообщает некоторые подробности, которых нет в первом сочинении: «Когда имам собирался оставить гору, он раздал населению двух аулов – Ичичали и Килатль все, что было у него в доме, а именно: зерно, мясо, домашнюю утварь, собранную в течение нескольких лет; с собою он взял все, что было возможно – книги, оружие и другие ценности: золото, серебро, ковры, постели, все, что необходимо дома и в дороге» (л. 281б) [5, с. 162].

Описывая краткую остановку на ночлег у моста Конхидатля, Абдурахман подчеркивает не только отсутствие помощи со стороны населения некоторых областей, но и трудности и неудобства самого перехода, связанные с наличием груза и присутствием женщин и детей: «Мы подъехали к мосту Конхидатль и ночевали там. Если бы тогда нагрянули и вышли бы на нас около ста русских солдат, мы не смогли бы спастись, так как с нами было много вещей, женщин и детей» (л. 282а) [5, с. 162].

В описании дальнейшего маршрута на Гуниб Абдурахман также последовательно отмечает уже знакомые по первому сочинению факты: прибытие Шамиля после ночлега у моста Конхидатля в селение Карата и остановка «в доме Газимухаммеда, пустовавшем все это время» (л. 282а–282б); встреча в пути с отрядами Ибрагим-хана Мехтулинского, находившимися «на вершине горы Каралал со стороны Аварии» и «прибывшими напасть на нас», однако, отмечает автор, «милицейские отряды близко к нам не подошли» (л. 282б–283а); дальнейшее продвижение на Гуниб со стороны селений Гидатля, «которые мы быстро прошли» (л. 283а); Абдурахман каждый раз отмечает и места стоянок на ночлег: «Ночевали на этот раз недалеко от аула Асса в тревоге между надеждой и опасностью»; объясняя причины неблагоприятных обстоятельств и другие неудобства продвижения отряда Шамиля в сторону Гуниба, автор сообщает некоторые подробности: «...так как это место тогда не было укреплено со стороны аварцев, которые покорились русским; с другой стороны, жители аула Асса таили вражду к имаму за его убийства многих жителей во время имамства Гамзатбека из Гочатля» (л. 283б); он отмечает, тем не менее, что не всегда их опасения оправдывались: «Рано утром мы тронулись через селение Асса и жители ничего неприятного по отношению к нам не предприняли» (л. 283б); затем прибытие путников в Карахский лес, в лагерь казикумухских мухаджиров, к месту, называемому Бецор (Кара-Койсу), с остановкой на отдых, с указанием времени прибытия: «Было время захода солнца» (л. 286а). И наконец, автор сообщает о благополучном прибытии Шамиля и его спутников в Гуниб ранним утром следующего дня, о встрече с Мухаммедшафи, вторым сыном Шамиля (л. 287а). О разграблении казны и ее дальнейшей участи в обоих трудах автор сообщает одинаковые подробности, однако в первом сочинении текст сопровождается стихами философского содержания (о предательстве и измене, о суетности и конечности этого мира, об искушениях, которым подвергается человек, о ложных и истинных ценностях).

В начале своей первой книги Абдурахман уже упоминал о Кебедмухаммеде, наибе имама Шамиля, объявившем о своей покорности царским войскам; о сдаче укрепленного селения Чох «с тремя орудиями и значительным количеством снарядов» чохским набобом Исмаилом [4, с. 54], про которого Абдурахман пишет, используя образное выражение: «известный раб затылка и желудка» (с объяснением: «имеется в виду его усердие только беспорядочно спать и есть...») [4, с. 57]; отзывается он и о наибе, состоявшем в близких родственных отношениях с Шамилем, Даниял-беке Елисуйском, в адрес которого приводит известный стих: «Я растил щенка всю свою жизнь, а когда он стал собакой, он укусил меня за ногу» [4, с. 82].

Отмечая множество неблагоприятных факторов, когда «несмотря на все усилия Шамиля удержать в повиновении жителей равнин и гор, он испытал в этом трудности и неприятности» (при этом подчеркивается, что это «несмотря на то, что [это] он (Шамиль. – Н.Т.) организовал их в политической сфере и вывел из состояния смуты и беспорядка») (л. 49а), Абдурахман постепенно подводит читателей к мысли о том, что в сложившихся обстоятельствах «пусть уж лучше Аллах Всевышний передаст его (Шамиля. – Н.Т.) в руки падишаха русского государства, который заслуживает того, чтобы мы возблагодарили его за непрерывную, последовательную милость...» [4, с. 87–88].

В серии статей «Арабская письменность на Северном Кавказе» И.Ю. Крачковский подчеркнул важное значение арабских источников, относящихся к истории Кавказа,

выделил среди памятников арабской письменности, посвященных народно-освободительному движению 20–50-х гг. XIX в. под руководством Шамиля, наиболее крупные исторические сочинения («Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи», «Хуласат ат-тафсил» Абдурахмана Газикумухского и «Сказание очевидца о Шамиле» Гаджиали) [7, с. 560; 13, с. 607–608]. События, описанные Абдурахманом Газикумухским в «Хуласат ат-тафсил» и «Книге воспоминаний», рассмотренные в данной статье, содержатся в каждом из упомянутых трудов. Их сравнительный анализ показывает, что каждое из описаний содержит отдельные подробности или суждения авторов, отсутствующие в параллельных источниках, что позволяет им в ряде случаев служить весомым дополнением друг к другу.

Следует также подчеркнуть, что, хотя оба сочинения Абдурахмана были написаны уже после пленения Шамиля, человеком, который «значительно русифицировался во время долголетнего пребывания в Калуге» [13, с. 607], они являются ценным историческим источником, освещающим события, связанные с народно-освободительным движением 20–50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе под руководством имама Шамиля. «Хуласат ат-тафсил» и «Китаб Тазкира» характеризуют новый этап в системе историко-литературного творчества Дагестана XIX в., представленный жанром историко-этнографического описания, не получившего, к сожалению, в дальнейшем продолжения в дагестанской арабоязычной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. VI. М.; Л., 1960. С. 609–622.
2. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А.М. Барабанова. М.; Л., 1941. 336 с.
3. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля / араб. текст подгот. А.М. Барабановым; под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1946. 331 с.
4. Абдурахман ал-Газигумуки. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля (Хуласат ат-тафсил ‘ан ахвал ал имам Шамуил) / пер. с араб., введ., коммент. и указ. Н.А. Тагировой. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 318 с.
5. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / пер. с араб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс. изд., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова; предисл. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. 868 с.
6. Крачковский И.Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Зап. Ин-та востоковедения Академии наук СССР. Т. II. Л., 1933. С. 9–20.
7. Крачковский И.Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. VI. М.; Л., 1960. С. 559–570.
8. Гаджиев В.Г. Абдурахман и его воспоминаний (воспоминания о Шамиле) // Из истории дореволюционного Дагестана : сб. науч. тр. Махачкала, 1976. С. 126–162.
9. Тагирова Н.А. Сочинение Абдаррахмана из Газикумуха «Хуласат ат-тафсил» // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 88–103.
10. Tagirova N. und Šixsaidov A. Abdarraḥman al-Gazigumuqi und seine Werke // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin. 1996. С. 317–339.
11. Тагирова Н.А. Шамиль в России (глазами историографа Шамиля Абдурахмана Газикумухского) // Дагестанские святыни. Кн. II. Махачкала, 2008. С. 172–220.

12. *Тагирова Н.А.* Шамиль в Калуге (по материалам сочинения «Хуласат ат-тафсил» Абдурахмана Газикумухского) // Дагестан в истории Кавказа и России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 25 ноября 2011 г. Махачкала, 2012. С. 308–316.

13. *Крачковский И.Ю.* Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. VI. М.; Л., 1960. С. 585–608.

14. *Тагирова Н.А.* Абдурахман Газикумухский: биографический очерк (к 180-летию со дня рождения) // Вестн. Даг. науч. центра. 2016. № 60. С. 92–102.

15. *Крачковский И.Ю.* Арабские материалы о Шамиле в собраниях Академии наук // Избр. соч. Т. VI. М.; Л., 1960. С. 571–573.

16. *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля. Махачкала, 2006. 493 с.

17. История Апшеронского полка 1700–1892 / сост. *Л. Богуславский*. Т. II. Репринтное воспроизведение издания 1892 г. (СПб.). Махачкала, 1993. 552 с.

Поступила в редакцию 01.09.2016 г.

Принята к печати 30.09.2016 г.